

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.Б. Кураш

МГПУ им. И.П. Шамякина (г. Мозырь)

Цель данной работы – выявить способы реализации различных ипостасей межкультурного диалога в дискурсивных интеракциях («текст – внеязыковая действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «текст в акте адресации – текст в акте восприятия»), осуществляемых посредством метафорики, на материале современной русской и белорусской поэзии.

1. Метафора в реализации отношений «текст – внеязыковая инокультурная действительность». Вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится. В этом смысле художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса. Можно выделить различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках метафорического структурирования «своего» и «чужого».

1.1. «Свое – чужое». Метафоры и родственные ей тропеические построения, структурирующие данную оппозицию, в высокой степени характерны для текстов поэтов, имевших возможность приобщиться к чужой культуре (во время поездок, путешествий, эмиграции и т. д.). Ср. у Н. Гумилёва в стихотворении «Сомалийский полуостров»: *Дышала трава, Точно шкура вспотевшего льва...* Нередко при этом оппозиция разрешается в пользу «своего», ср.: *Колькі цудаў за марскім прыбоем, / За кармою белай карабля, / Але што зраўняецца з табою, / Родная, адзіная зямля?!* (М. Прокопович). Это достаточно парадоксальный вариант

метафоры, поскольку «правый» (сравнивающий) элемент тропа – по определению его «объясняющая» когнитивная база, т. е. та, которая привлекается как донор новых знаний об объекте.

Реализация данной оппозиции свойственна, в частности, для ономастических метафор, ср.: *Хто ж ты, / Краю майго Гарыбальді? / Каліноўскі* (В. Стрижак).

Особо следует указать на такие случаи, когда поэты «играют» не на когнитивной силе метафоры, а на её когнитивной слабости, т. е. когда в семантической структуре слов-понятий, выступающих в качестве «правого» элемента, актуализируются именно семы «чуждости», «непонятности» и т.п. Например, какие-то непонятные знаки или неразборчиво написанные буквы мы называем *иероглифами, арабской вязью* и т.п. Ср.: *В чем разгадка строки, / ненадолго записанной в снег? / Иероглиф судьбы, / наделенный значением крика...* (Б. Ахмадулина).

1.2. «Чужое – чужое». Подобные компаративные тропы также обычно покрывают тематическое поле инокультуры в текстах, посвящённых реалиям жизни других народов, эпох и пр., и встречаются не столь часто.

1.3. «Чужое – своё». Подобные метафоры обычно иллюстрируют именно когнитивную силу метафорического мышления, презентуя феномен другой культуры как близкий, понятный, «свой», внося его таким образом в семиосферу собственной культуры, ср.: *Открыв травой набитый рот, Скакал, как лошадь, бегемот, И зверь, чудовищный на взгляд, С кошачьей мордой, а рогат – За ними.* (Н. Гумилёв); *Паўстаў Нью-Йорк перада мной... / З чым параўнаць? Мурашнік, вулей?* (П. Панченко). Как видно, прагматическое назначение метафоры подобного рода – представить незнакомый объект в знакомых очертаниях.

2. Отношения «текст – инокультурная семиосфера» правомерно свести к двум основным ипостасям: «текст на языке А – текст на языке Б» и «текст – инокультурный интертекст».

2.1. Прежде всего представляет интерес метафорическое осмысление национально специфических (безэквивалентных) языковых знаков, а также самих концептов «родной язык» и «чужой язык». Ср.: *Я / немало слов придумал вам, / взвешивая их, / одно хочу лишь, – / чтобы стали / всех / моих / стихов слова / полновесными, / как слово "чуешь" (В. Маяковский); К зелёным ветвям, / закипая внизу, / ползут / небывало зелёные лозы – / китайское ЧЬЕН, / и татарское ЗУ, / и мхи диалектов / эхоголосых (С. Кирсанов); Чуждое чудо, грузинская речь, / Терекон буйствуй в теснине гортани (Б. Ахмадулина); ...браты мае моўнае поле / ў суседзяў сваіх арандуюць!.. (И. Логвинович).*

2.2. «Текст – интеркультурный интертекст». Интертекстуальная метафорика может реализоваться в двух видах диалога текстов. Первый – «неметафора – метафора», ср.: *Не люблю я золкага надвор'я, Холад працінае*

да касці. / *Мой вучоны кот* ля лукамор'я / *Не жадае ў ланцугу ісці.* (Р. Крушина); *За табой, як кот вучоны,* / *Я ішоў па ланцугу* (Ф. Гуринович). Образ учёного кота, будучи сказочным в прецедентном, пушкинском, тексте, становится основой для создания компаративных тропов в цитируемых произведениях белорусских поэтов Р. Крушины и Ф. Гуриновича.

Выходящие в интертекст метафоры нередко строятся на базе прецедентных литературных онимов, в том числе и инокультурных. Для белорусской интертекстовой метафорики здесь наиболее характерными являются знаковые онимы русской культуры, и в частности, литературы: *Я не слаўны Ленскі,* / *Ты ж і не Тацьяна...* / *Родам я з-пад Менску...* / *Часта, часта п'яны* (М. Кавыль); *...Я знаю – я не здольны быць Дантэсам,* / *А значыць, на мяне расце Дантэс* (П. Воробьёв).

Второй вид интертекстуального межкультурного диалога – собственно диалоги метафор или диалоги с прецедентными метафорами, т. е. тот случай, когда во вновь продуцируемом тексте имеет место воспроизведение именно прецедентного метафорического образа, источник которого способен идентифицироваться. Ср., например: *Слаўлю я слова свінцова-важкое,* / *што ратавала людзей ад агню,* / *непераможнае слова, якое* / *брала любую ў баі вышыню* (П. Макаль, "Слова пра словы"). Эти строки имеют интертекстуальную опору на стихотворение В. Маяковского "Во весь голос", ср.: *Стихи стоят / свинцово-тяжело,* / *готовые и к смерти / и к бессмертной славе.* Ср. аналогичный пример, где прецедентный метафорический образ восходит к "Медному всаднику" А.С. Пушкина: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патопу;* / *і з поля зроку знік маяк,* / *што асвятляў акно ў Еўропу* (И. Логвинович).

3. Отношения «текст – коммуниканты различных лингвокультур» вписываются в общую основанность передачи образной информации от адресанта к адресату на интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре. И опять же метафора приходит на помощь в тех случаях, когда в поэтическом тексте реализуется ситуация межкультурной коммуникации, нередко сопровождаясь подключением к инокультурному интертексту. Ср.: *Я – Гамлет. Холодеет кровь,* / *Когда плетёт коварство сети,* / *И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете* (А. Блок); *Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал враг,* / *слетая на поле нагое* (А. Вознесенский); *Сэрца сумам засеяна,* / *Хмельнай радасці роздумам.* / *Ад Сяргея Ясеніна / Я хварэю бярозамі (...)* *Ані кроплі не сумна мне,* / *Калі я – падбярозавік* (В. Стрижак); *Мы – мясцовага заквасу.* / *Мы не Пушкіны, не Блокі.* / *Але нашыя Пегасы / Узлятаюць пад аблокі* (Л. Дайнеко).

Таким образом, метафора в языке современной поэзии и культуры в целом – это не только механизм образования смыслов, не только текстообразующий элемент, но и один из основных дискурсивных скрепов и один из основных механизмов трансфера культурно значимой информации для осуществления межкультурной коммуникации.

МГПУ им. И.П.Шамякина